

Е. Г. Новикова

## Омск, связавший две судьбы: Н. М. Ядринцев и Ф. М. Достоевский

---

Однажды Н. М. Ядринцев назвал себя «собратом» Ф. М. Достоевского «по духу и судьбе»<sup>1</sup>.

И объединил их, с точки зрения сибирского мыслителя, Омск: «На окраине русской земли, в отдаленной и забытой Сибири, на границе Киргизской степи стоит небольшой уездный город Омск <...> В нем находится старая упраздненная крепость с осыпавшимися валами. На углу ее на память сохранилась старая каторжная казарма, обнесенная частоколом. Это бывшее когда-то военно-каторжное отделение, впоследствии арестантские роты. Здесь когда-то провел несколько лет тяжелой жизни Ф. М. Достоевский. Несколько лет назад мы видели ещё и этот частокол, и дворик, и казарму, увековеченные в «Мёртвом доме». Эта тюрьма <...> ныне заменена новой военно-исправительной тюрьмой, не имеющей ничего общего с прежнею <...> Тогда-то передо мной среди этих размышлений и волнующих чувств еще резче выступила судьба Ф. М. Достоевского <...> Последователь Достоевского в литературе в области исследования, собрат по духу и судьбе, я мог живее, чем кто-либо, представить себе процесс душевных волнений, мук заживо погребенного»<sup>2</sup>.

Ядринцев вошёл в русскую культуру и литературу как «почти единственный сибирский публицист»<sup>3</sup> второй половины XIX в. Вот как писал об этом известный путешественник и учёный, лидер сибирского областничества Г. Н. Потанин: «Николай Михайлович Ядринцев всю свою жизнь посвятил служению этой русской области и в течение целого тридцатилетия был единственным сибирским

<sup>1</sup> Литературное наследство Сибири / сост. Н. Н. Яновский. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 58.

<sup>2</sup> Там же. С. 58–59.

<sup>3</sup> Там же. С. 335.

публицистом, в котором, в нем почти одном, выразилась вся умственная жизнь, воплотилась вся общественная жизнь Сибири <...> Чем он только не был для своей Сибири! Он был и издатель, и публицист, и статистик, и фельетонист, и рассказчик, и сатирик, и этнограф, и археолог»<sup>4</sup>. Об этом Потанин пишет в своей статье «[Верный друг]», написанной после неожиданной смерти Ядринцева, поэтому она совмещает в себе жанры некролога и биографического очерка. Как отмечает А. Э. Еремеев, в биографическом очерке «реализуется необходимость возвести факт обыденный – «пройденная жизнь» – в ранг особого смысла – «жизнь ученого», придать ему масштаб уникальной значимости»<sup>5</sup>; именно этими принципами Потанин и организует свою статью о Ядринцеве.

«Ни одно лицо не соединяло в себе столько видов литературной деятельности, как Ядринцев»<sup>6</sup>, – пишет он далее. Поэтому вполне закономерно, что именно Ядринцев осуществил и системное осмысление наследия Достоевского, предпринятое в рамках принципиальной позиции служения Сибири. Достоевский Ядринцева – это такой сугубо «сибирский» Достоевский, это образ Достоевского, созданный и востребованный сибирской культурой и литературой второй половины XIX – рубежа XIX–XX вв. Следует заметить, что таким был подход Ядринцева к русской литературе в целом, в этом смысле показательны даже сами названия его литературно-критических статей: «Сибирь перед судом русской литературы» (1865), «Сибирь на похоронах Тургенева» (1883), «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири» (1885), «Н. В. Гоголь и его областное значение» (1886) и др. Сибирская культура и литература, подчёркивает А. Э. Еремеев, – это «некая действительность с качественно иными принципами освоения бытия, сыгравшими определенную роль в русской литературе»<sup>7</sup>, и такие «иные

<sup>4</sup> Литературное наследство Сибири. Т. 5. С. 335.

<sup>5</sup> Еремеев А. Э. Эстетика и поэтика биографического очерка в творчестве И. В. Киреевского // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Омск, 2014. № 3 (17). С. 170.

<sup>6</sup> Там же. С. 170.

<sup>7</sup> Еремеев А. Э. Литература Сибири. Новые подходы к осмыслению поэтических закономерностей регионального словесности // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Омск, 2009. № 3. С. 159.

принципы» предельно ярко проявились в интерпретации творчества Достоевского Ядринцевым.

Тема «Достоевский и Ядринцев» уже заявлена в современном литературоведении<sup>8</sup>, однако до сих пор исследователи раскрывали её в основном на материале одной литературно-критической статьи Ядринцева, «Достоевский в Сибири» (1897; опубликована посмертно)<sup>9</sup>. В данной работе впервые предпринята попытка обращения ко всему корпусу публицистических и литературно-критических текстов сибирского мыслителя в целях целостной реконструкции его образа «сибирского» Достоевского.

Первая встреча Ядринцева с братьями Достоевскими сложилась не самым удачным образом. В начале 1860-х гг. в Петербурге сформировалось «сибирское землячество», в которое входили Ядринцев и Потанин. Именно здесь Ядринцев предпринимает свои начальные попытки в сфере журналистики. Его первым опытом стала критическая рецензия на книгу И. И. Завалишина «Описание Западной Сибири»<sup>10</sup> («рецензия не сохранилась»<sup>11</sup>). Из «Воспоминаний» Потанина: «Мы были в восторге от этого бойкого пера и благословили его нести рукопись в редакцию. Он снес ее в журнал «Время»; но статью не приняли, сказали, что он на муху пошел с обухом, что книжка имеет ничтожное значение и жаль на нее тратить в журнале целый десяток страниц»<sup>12</sup>. «Местная» сибирская проблематика, важнейшая для землячества, для журнала была «ничтожной», что, очевидно, было обусловлено общей издательской и редакторской стратегией Достоевского.

<sup>8</sup> Frank, S. K. Dostoevskij, Jadrincev und Čechov als ‚Geokulturologen‘ Sibiriens. GEDÄCHTNIS UND PHANTASMA, München, 2001, s. 32–47; Frank, S. K. Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität in 19 Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij. Wiener slawistischer Almanach, 2005, Sonderband 62, s. 401–418; Акелькина Е. А. Диалог Н. М. Ядринцева с Ф. М. Достоевским // Четвертые Ядриновские чтения : мат. IV Всерос. науч.-практ. конф., посв. 100-летию Революции и Гражданской войны в России. Омск : Ом. гос. истор.-краевед. музей, 2017. С. 349–353; Новикова Е. Г. Ф. М. Достоевский и сибирское областничество. Статья первая // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия : Филология. Томск, 2019. № 59. С. 185–197.

<sup>9</sup> Литературное наследство Сибири. Т. 5. С. 16.

<sup>10</sup> Завалишин И. И. Описание Западной Сибири : в 2 т. М., 1862–1865. 414 + 276 с.

<sup>11</sup> Литературное наследство Сибири. Т. 5. С. 393.

<sup>12</sup> Литературное наследство Сибири / сост. Н. Н. Яновский. Т. 6. Новосибирск, 1983. С. 118.

Можно предположить, что именно этим отказом объясняется и достаточно негативное описание «литературного кружка Достоевских»<sup>13</sup> в статье Ядринцева «Чокан Чингисович Валиханов» (1866): «В Петербурге он (Валиханов. – Е. Н.) тоже не был особенно счастлив в своих знакомствах. Сойдясь с литературным кружком Достоевских, он не мог много заимствовать от него и сделаться серьезным тружеником науки. В этом кружке он познакомился с поэтом Всеволодом Крестовским и во время гусарских разговоров давал ему шутя темы для его испанских стихотворений <...> Квази-образованные писатели, подобные Вс. Крестовскому, потакали страстям молодого инородца, с которыми он сходил, ища в них цивилизованных людей, а находил людей, проводивших в поэтической форме разврат. В этих несчастных знакомствах и в своей карьере Валиханов подвергся обыкновенной участи русского инородца»<sup>14</sup>. Безусловно, акцент в этом описании поставлен не на «литературном кружке Достоевских» собственно, а на фигуре В. В. Крестовского. Показательно также и заложенное здесь противопоставление двух возможных жизненных сценариев талантливого Валиханова: или «в поэтической форме разврат», или «серьезный труженик науки». По мысли Ядринцева, его истинный жизненный путь только второй. Важно то, что именно научная деятельность Валиханова обусловила ещё одну, теперь уже вполне позитивную, точку пересечения Ядринцева и Достоевского: в 1860 г. Валиханов выступил в Русском географическом обществе с лекцией о Кашгаре, и «среди слушателей находились Достоевский и друзья Валиханова – Потанин и Ядринцев»<sup>15</sup>. Но при этом, с точки зрения Ядринцева, их истинное знакомство с Достоевским состоит только в 1876 г.

В мае 1865 г. Ядринцев и Потанин были арестованы в Томске за «сибирский сепаратизм» по «делу об отделении Сибири от России»<sup>16</sup>. Как позже написал об этом сам

<sup>13</sup> Литературное наследство Сибири. Т. 5. С. 31.

<sup>14</sup> Там же. С. 31.

<sup>15</sup> Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского : в 3 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 293.

<sup>16</sup> Дело об отделении Сибири от России / публ. А. Т. Топчия, Р. А. Топчия ; сост. Н. В. Серебренников. Томск, 2002. 388 с.

Ядринцев, «дело сибирского сепаратизма, или «Дело об отделении Сибири от России и образование <sic> республики подобно Соединенным Штатам», громкое название, которое было дано ему, наделало шума. По этому делу было сделано много арестов в Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, в Москве, Петербурге, Уральске <...> Об этом деле меня многие спрашивали, и нередко эти вопросы сопровождались ироническими улыбками: как вы отделяли Сибирь? Конечно, в этом отношении много было повода поглумиться над горстью сибиряков юношей, задававшихся какими-то несбыточными планами»<sup>17</sup>.

Через несколько дней после ареста они были перевезены в Омск и заключены в Омский острог, где пробыли с 1865 г. по 1868 г., пока шло следствие. Именно это и позволило Ядринцеву назвать себя «собратом» Достоевского «по духу и судьбе»: «На окраине русской земли, в отдаленной и забытой Сибири, на границе Киргизской степи стоит небольшой уездный город Омск <...> В нем находится старая упраздненная крепость с осыпавшимися валами. На углу ее на память сохранилась старая каторжная казарма, обнесенная частоколом. Это бывшее когда-то военно-каторжное отделение, впоследствии арестантские роты. Здесь когда-то провел несколько лет тяжелой жизни Ф. М. Достоевский. Несколько лет назад мы видели еще и этот частокол, и дворик, и казарму, увековеченные в «Мертвом доме». Эта тюрьма <...> ныне заменена новой военно-исправительной тюрьмой, не имеющей ничего общего с прежнею <...> Тогда-то передо мной среди этих размышлений и волнующих чувств еще резче выступила судьба Ф. М. Достоевского <...> Последователь Достоевского в литературе в области исследования, брат по духу и судьбе, я мог живее, чем кто-либо, представить себе процесс душевных волнений, мук заживо погребенного»<sup>18</sup>.

Ядринцев назвал себя «последователем Достоевского в литературе в области исследования», потому что, оказавшись в Омском остроге, он поставил перед собой задачу написать свой «Мёртвый дом» и написал: это его книга

<sup>17</sup> Там же. С. 28.

<sup>18</sup> Литературное наследство Сибири. Т. 5. С. 58–59.

«Русская община в тюрьме и ссылке»<sup>19</sup>. Своим созданием она обязана Омску.

Пребывание «сибирских сепаратистов» в Омском остроге было поистине «либеральным»<sup>20</sup>. Широко известные фрагменты из «Воспоминаний» Потанина об этом: «Камеры запирались только в начале нашего сидения в крепости, потом они были отворены в течение всего дня и запирались только на ночь. Заключение выходило даже на платформу и тут разгуливали. Это была единственная либеральная гауптвахта в России <...> Нашим друзьям и знакомым в городе был свободный доступ к нам в камеры»<sup>21</sup>. Им «позволили получать свои книги и рукописи»<sup>22</sup>, в результате чего они, находясь в заключении, написали целый ряд научных исследований. Одним из них и стало исследование Ядринцева, посвящённое «тюрьме и ссылке»: «Мы в Томске мучились в бесплодных догадках, каким образом и как достать материалы, чтобы обосновать наш протест против ссылки в Сибирь общественных отбросов европейской России <...> У нас с Ядринцевым тогда не было под рукой никаких конкретных фактов <...> Как только по утрам открывались камеры, Ядринцев уходил на добычу и часто запирался в чужих камерах. Он завел множество знакомств и каждый вечер возвращался в свою камеру с запасом сведений и рассказов. Мы беседовали и обсуждали собранное. Эти материалы и составили потом содержание его книги «Русская община в тюрьме и ссылке», которую он написал уже во время ссылки, когда жил в Архангельской губ<ернии>, в городе Шенкурске, и тогда же издал в Петербурге <...> Эта книга, посвященная самому кардинальному из сибирских вопросов, и решила судьбу Ядринцева, она закрепила за ним роль сибирского публициста, которой он остался верен до гроба»<sup>23</sup>.

В своей книге «Русская община в тюрьме и ссылке» Ядринцев многократно обращается к Достоевскому и к

<sup>19</sup> Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке: исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. СПб., 1872. 719 с.

<sup>20</sup> Литературное наследство Сибири. Т. 6. С. 214.

<sup>21</sup> Там же. С. 214–215.

<sup>22</sup> Там же. С. 214.

<sup>23</sup> Там же. С. 218–221.

его «Запискам из Мёртвого дома», начиная со введения «От автора»: «Недаром Ф. М. Достоевский, испытывавший знакомство со старым русским острогом, воскликнул в конце своих наблюдений: "Сколько в этих стенах погребено молодости! Сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, быть может, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего"»<sup>24</sup>. Эти слова Достоевского для Ядринцева предельно важны, он будет цитировать их и позже.

Здесь Ядринцев формулирует следующие цели своего исследования: «... автор <...> надеется, что его очерки не будут бесполезными в момент нашей тюремной реформы и могут пригодиться при разрешении хотя некоторых частных вопросов, возникающих при новом исправительном наказании. Искренним желанием автора было содействовать выработке рациональной системы исправления, которая бы, давая полные гарантии общественной безопасности, могла возможно более благоприятствовать перевоспитанию человека и его нравственному совершенствованию. Он надеется, что вводимая у нас новая исправительная система наказания более внимательно отнесется к судьбе преступника, внесет новые, гуманные взгляды в систему наказания и, содействуя исправлению наказуемой личности, снимет с нее хоть часть тех излишних страданий и горя, в существовании которых при прежней системе наказания иногда приходилось убеждаться горьким опытом»<sup>25</sup>. Именно в этот актуальный социально-политический контекст Ядринцев и вводит «Записки из Мёртвого дома». Тематический диапазон его обращений Достоевскому в книге разнообразен, начиная от проблемы доносительства в тюрьмах<sup>26</sup> и заканчивая описанием тюремного фольклора<sup>27</sup>.

<sup>24</sup> Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С. А. Иникова ; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2015. С. 46. Ср.: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уже все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего» (Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 4. Л., 1972. С. 231).

<sup>25</sup> Там же. С. 48.

<sup>26</sup> Там же. С. 140–141.

<sup>27</sup> Там же. С. 151–152.

Основная позиция Ядринцева, связанная с традицией Достоевского, – это идея «уважения человеческого достоинства»<sup>28</sup>; именно в связи с нею цитирование Достоевского у него активно и интенсивно: «Уважение человеческого достоинства должно соблюдаться в тюрьме, как и везде. «Всякий, кто бы он ни был и как бы он ни был унижен, – говорит Ф. М. Достоевский в «Записках из Мертвого Дома», – хотя и инстинктивно, хотя и бессознательно, а все-таки требует уважения к своему человеческому достоинству. Арестант сам знает, что он арестант, отверженец, и знает свое место пред начальником, но никакими клеймами, никакими кандалами вы не заставите забыть его, что он человек. А так как он действительно человек, то, следственно, надо с ним и обращаться по-человечески. Боже мой! Да человеческое (выделено автором. – Е. Н.) обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ Божий». Эти слова не мешало бы крупными буквами вырезать для назидания зрителей на стенах наших тюрем. Слова эти, выведенные из опыта, тем важнее, что они относятся к русскому арестанту. «Я видел, – добавляет г-н Достоевский, – какое действие производило человеколюбивое обращение на этих униженных: несколько ласковых слов – и арестанты воскресали нравственно»<sup>29</sup>. Действительно, ничто не может оживить, сделать благодарной природу человека, как самомалейшее сочувствие во время его несчастья»<sup>30</sup>.

При этом Ядринцев, в т. ч. за счёт не совсем точного цитирования, упрощает более сложную и глубокую картину, нарисованную Достоевским, ср.: у писателя от «нескольких ласковых слов» арестанты «чуть не воскресали нравственно», у сибирского мыслителя же их воскресение бесспорно: «несколько ласковых слов – и арестанты воскресали нравственно».

<sup>28</sup> Ядринцев. 2015. С. 380.

<sup>29</sup> Ср.: «Я встречал таких добрых, благородных командиров. Я видел действие, которое производили они на этих униженных. Несколько ласковых слов – и арестанты чуть не воскресали нравственно» (Достоевский. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 91).

<sup>30</sup> Ядринцев. 2015. С. 380.



В том же 1872 г., когда была опубликована книга «Русская община в тюрьме и ссылке», была написана и литературно-критическая статья Ядринцева, в которой он также обращается к Достоевскому, впервые вписывая его творчество в определённый литературный контекст, – это статья «Преступники по изображению романтической и натуральной школы» (1872).

Интересно, что этот «контекст» фактически определяется фигурой всё того же В. В. Крестовского, тесно связанного в его сознании с «литературным кружком Достоевских». Но теперь на смену изначальному объединению Достоевских и Крестовского пришло их принципиальное противопоставление, а именно: если Крестовский представляет здесь «романтическую школу», то Достоевский – «натуральную». (По-своему также очень любопытна здесь эта базовая опора на концепцию В. Г. Белинского 1840-х гг. с его известным противопоставлением романтизма и «натуральной школы» и достаточно неожиданная её актуализация в сибирской литературной критике в 1870-е гг. – через 30 лет.)

Статья Ядринцева начинается с размышления о том, что «в последнее десятилетие в русской беллетристике и этнографии все чаще и чаще встречаются описания вообще мира преступников, а также исследования над отдельной личностью преступника»<sup>31</sup>. По его мнению, в русской литературе сейчас существуют два противоположных подхода к описанию мира «тюрьмы и ссылки», подход «романтический» и «натуральный» (реалистический). Первый представлен «Петербуржскими трущобами» Крестовского, второй – «Записками из Мёртвого дома».

В романе Крестовского – «что ни страница, то фальшь и недобросовестность в изображении преступников <...> Оставляя в стороне лубочную живопись, характеризующую это произведение, мы укажем только на заключающуюся в нем клевету на жизнь и человеческую природу <...> при всевозможной испорченности человека всегда можно найти в его характере черты вполне симпатичные, вполне человеческие»<sup>32</sup>. В сущности, Ядринцев вновь от-

<sup>31</sup> Литературное наследство Сибири. Т. 5. С. 32.

<sup>32</sup> Там же. С. 40.

стаивает здесь идею «уважения человеческого достоинства» преступников – идею, подчёркнуто восходящую для него к Достоевскому.

Именно об этом следующая часть его статьи: с его точки зрения, «Записки из Мёртвого дома» «выражают вполне человеческий и сострадательный взгляд на положение преступника и по правдивости своей принадлежит к лучшим произведениям натуральной школы»<sup>33</sup>. В качестве крайне значимого для него примера Ядринцев пересказывает и комментирует известное описание Орлова и выраженное в нём авторское отношение к преступнику: «Достоевский рассказывает, что когда он или кто другой начинал спрашивать <...> преступника Орлова и подбираться к его совести, то тот смотрел на вопрошавшего как на дурака или маленького мальчика, над которым нельзя было не расхохотаться, и действительно он хохотал от души<sup>34</sup>. В самом деле, как будто совесть человека есть табакерка, которую носят в кармане и предлагают понюхать из неё всякому желающему»<sup>35</sup>.

Однако высоким образцом «изображения преступника» в статье являются только «Записки из Мёртвого дома». Обратившись в ней к «Преступлению и наказанию», Ядринцев фактически отнёс роман к «романтической школе» Крестовского: «искусственностью проникнут весь роман «Преступление и наказание» г. Достоевского»<sup>36</sup>, он «написан под влиянием иных чувств и воззрений; он характеризует одну злую сторону человеческого характера, одни отвратительные черты, на которые преимущественно и налег художник, поэтому произведение его вышло крайне ненатурально и фальшиво»<sup>37</sup>.

<sup>33</sup> Литературное наследство Сибири. Т. 5. С. 42.

<sup>34</sup> Ср.: «Когда же понял, что я добираюсь до его совести и добиваюсь в нём хоть какого-нибудь раскаяния, то взглянул на меня до того презрительно и высокомерно, как будто я вдруг стал в его глазах каким-то маленьким, глупым мальчиком, с которым нельзя и рассуждать, как с большими. Даже что-то вроде жалости ко мне изобразилось в лице его. Через минуту он расхохотался надо мной самым простодушным смехом» (Достоевский. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 48).

<sup>35</sup> Литературное наследство Сибири. Т. 5. С. 45.

<sup>36</sup> Там же. С. 44.

<sup>37</sup> Там же. С. 42.

Безусловно, главным трудом Ядринцева стала его известная книга «Сибирь как колония»<sup>38</sup>. В сущности, именно она позволила Потанину назвать Ядринцева «почти единственным сибирским публицистом, в котором, в нем почти одном, выразилась вся умственная жизнь, воплотилась вся общественная жизнь Сибири», «публицистом, и статистиком <...> и этнографом, и археологом».

Здесь сибирский публицист и учёный вновь обращается к Достоевскому и к петрашевцам, подчёркивая их роль в развитии и описании сибирского края. Хотя следует отметить, что эти обращения гораздо менее активны по сравнению с книгой «Русская община в тюрьме и ссылке».

Прежде всего он подчёркивает личное влияние Достоевского и других петрашевцев на духовное и культурное развитие Сибири: «Участниками в развитии местного общества явились и некоторые петрашевцы (по делу Петрашевского). Они, подобно Достоевскому, находились в разных городах Сибири, оставили воспоминания и впоследствии воспроизвели свою ссылку в литературных произведениях, как Достоевский и Львов»<sup>39</sup>. И далее: «Спешнев, Петрашевский и Львов приняли участие при создании местной печати (участие их в газете «Амур»)»<sup>40</sup>. Настоятельную необходимость этого издания публицист объясняет уникальными местными условиями: «Огромная окраина Амура с самого начала приковала внимание русского общества и ей, как видим, был посвящен особый орган "Амур"»<sup>41</sup>.

А в главе «Ссылка в Сибирь и положение ссыльных» вновь проявилась принципиальная позиция Ядринцева по поводу совершенно особого значения «Записок из Мёртвого дома»: «Что касается обсуждения этого вопроса в русской печати, то, следя за нею в течение двадцати пяти лет со времени появления первых очерков "Мертвого дома" Достоевского и кончая "Сибирью и каторгой" Максимова<sup>42</sup>,

<sup>38</sup> Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири, ее нужды и потребности. ее прошлое и будущее. СПб., 1882. 472 с. Переизд.: Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1892. 594 с.

<sup>39</sup> Ядринцев. 1892. С. 563-564.

<sup>40</sup> Там же. С. 629.

<sup>41</sup> Там же. С. 685.

<sup>42</sup> Максимов, С. В. Сибирь и каторга : в 3 т. СПб., 1871. 367 с. + 411с. + 377с.

мы не видим в России ничего более крупного»<sup>43</sup>. Достоевский здесь предстаёт первопроходцем в русской культуре и литературе в изображении «тюрьмы и ссылки».

Эта же мысль стала основой и итогового по своему значению текста Ядринцева, «Достоевский в Сибири». (Поскольку статья была опубликована посмертно, история её создания требует специального исследования). Важно, что в ней Ядринцев опирается на воспоминания о своей встрече с Достоевским в 1876 г., которую он и считает моментом своего истинного знакомства с писателем: «Когда я в 1876 году имел случай познакомиться с Федором Михайловичем Достоевским в Петербурге и сообщил, что я видел прежнюю его тюрьму, он, внезапно погруженный в воспоминания, спросил: "Ну а где же теперь они-то, что сидели там?" (Он разумел каторжных). Что мне было сказать? Прошло двадцать лет <...> "Да, ведь их не может существовать уже", – спохватился Федор Михайлович. Но я понял, что он внутренне был связан с их жизнью и судьбою»<sup>44</sup>.

Именно это представление о «внутренней связи» Достоевского с «жизнью и судьбою» сибирских каторжан и стало краеугольным камнем его «сибирского» образа. Именно поэтому «Мёртвый дом» – «самое великое и лучшее произведение Достоевского»<sup>45</sup>. «Записки из Мёртвого дома» здесь интерпретируются как основа всего последующего творчества писателя: «Впечатление, полученное в тюрьме и на каторге, до того было сильно, что Достоевский никогда не забывал этого мира несчастных и всегда обращался к нему в романах, повестях и «Дневнике писателя», и это были лучшие, наиболее прочувствованные страницы»<sup>46</sup>. В статье вновь цитируются слова писателя, уже приведённые выше: «Трудно верить, что из Пандемониума, из мира отверженной каторги можно вынести веру в человеческую личность, в её широкое нравственное значение. А между тем в этих слоях, среди отверженных людей, также цельно сохраняется человеческая душа

<sup>43</sup> Там же. С. 302.

<sup>44</sup> Ядринцев. 1892. С. 63.

<sup>45</sup> Там же. С. 65.

<sup>46</sup> Там же. С. 63.

с её лучшими качествами; мало того, здесь встречались иногда самые сильные и нередко самые даровитые натуры. Недаром Ф. М. Достоевский воскликнул в конце своих наблюдений: "Сколько в этих стенах погребено напрасно молодости! Сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уже все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего!"<sup>47</sup>.

Так складывалось твёрдое и вполне однозначное (хотя и достаточно неожиданное для современного читателя) «сибирское» представление о Достоевском прежде всего как о создателе «Записок из Мёртвого дома», в основе которого – омский жизненный опыт великого русского писателя и сибирских областников.

---

<sup>47</sup> Ядринцев. 1892. С. 64. Ср. – см. сноску 24.